

Анатолий Субботин

Лабиринт

поэма в прозе

Анатолий Субботин
Лабиринт. Поэма в прозе

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Субботин А. П.

Лабиринт. Поэма в прозе / А. П. Субботин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Героями поэмы могут быть кто угодно: исторические персонажи (Ленин, Сталин, народовольцы, писатели), мифические и сказочные герои, неизвестные люди из воспоминаний автора, животные. Понятно, что в художественном произведении автор не станет пересказывать историю или миф. Вымысел всё преобразует до неузнаваемости. Так живой Сталин беседует с мёртвым Лениным, лёжа с ним в саркофаге мавзолея... Содержит нецензурную брань.

1

Начну я традиционно, любезные судари, начну со вступления. Традиционно, да не очень, поскольку, куда я, собственно, вступаю, мне неизвестно. То есть совершенно не знаю, о чём писать. Думаете, лукавлю? Ничуть не бывало. Я и всегда трудно начинал, но всё же, знаете, мелькнёт какой-нибудь герой, какая-нибудь картинка – ну и примешься. А тут пустыня, где даже песка нет, полный, так сказать, вакуум.

Ну и не пиши! – воскликните. И припомните народную мудрость, в коей молчание сравнивается с популярным драгоценным металлом. Но, во-первых, я этот металл в глаза не видел, а привык всё больше в кармане медью брэнчать, так что молчание нам не по карману. А во-вторых, известен ли вам известный писательский комплекс, страх, что ты ещё невыразил себя, не сочинил свою главную вещь – свою «Одиссею», своих «Мертвых душ», на худой конец, свою «Старуху»?.. Или проще, может, всё? И творчество сродни алкоголизму? Не попьёшь недельку-другую и начинаешь чувствовать, что теряешь квалификацию, не в своей как бы рюмке ощущаешь себя; ну и пускаешься во все тяжкие, опускаясь до некачественного продукта.

Как бы то ни было, господа, вы присутствуете при небывалом эксперименте: иду туда – не знаю, куда, принесу то – не знаю, что. Правда, советский граф Алексей Толстый говорил, что он тоже эдак экспериментировал. Сажусь, мол, за чистый лист с чистой (читай: пустой) головой. Но ему верить нельзя – оборотень! Вы только вслушайтесь в словосочетание «советский граф». Оксюморон, живой труп какой-то. И немудрено, ведь, как говорится, с кем поведешься... Кстати, вы знаете, почему Сталин Ленина не закопал? Охотно поделюсь.

То, что Сталин был учеником Ильича, общеизвестно. Но вот каким учеником в смысле усвояемости материала – уже вопрос. Нет, он, конечно, старался и во многом преуспел, например, по части интриги. Но то ли гены сказались (сравните: один – сын пьяницы сапожника, другой же, напротив, – отпрыск смотрителя гимназий и студент Казанского университета), то ли Ленин сам не хотел делиться всеми премудростями (оно и понятно: зачем конкурентов себе плодить, рубить, что называется, сук под собой), – только Коба не усвоил главного – как управлять государством. И завалив учителя, остался как без рук, точнее, без головы. Вот почему единственно успокоившийся вождь не исчез с поверхности земли, а поселился на лобном месте, в специально построенном для него домике. Уж не хотите ли Вы сказать?! – воскликните. Да-да, хочу и говорю: Сталин бы и пятилетки (используя его делёж времени) у руля не продержался, если бы не бегал еженощно за консультациями к пану Голове. К мертвому? К мертвому. За консультациями? За ними. А вы что думаете, с покойников и взять нечего, и они дали обет молчания? Живому человеку они, в самом деле, вряд ли что скажут, а вот своему брату жмурику очень многое могут порассказать. И не смотрите на меня с сомнением. Истинно вам говорю: не всё то, что ходит, живо, и не всё то, что лежит, мертво. Продолжаете не доверять? Тогда сошлюсь на факты и авторитеты. Один авторитетный поэт писал: «Ленин и теперь живее всех живых»! Даже если сделать поправку на поэтическое преувеличение, нет, как говорится, дыма без огня. Ведь общеизвестно, что сей сын Парнаса знался с казенными людьми. Ну и, видимо, дошла до него как-то таинственная информация. А поскольку поэты – народ несдержанный, в пылу поэмы проболтался он, за что, собственно, и поплатился: стал раньше времени памятником. С другой стороны, в 1928 году товарища Сталина обследовало некое медицинское светило. И поставило диагноз. Но обнаружить его не успело: скоропостижно закатилось светило. Нетрудно догадаться, насколько серьёзным был диагноз... Слышали поговорку: каков поп, таков и приход? Иными словами, всякий правитель лепит своих подданных по своему образу и подобию. А какое общество, спрашивается, лепил Сталин?..

Впрочем, всё это скучные рассуждения. Давайте лучше я вам нарисую, как два трупа общались – лежачий и ходячий.

Два часа ночи. В зале мавзолея довольно сумрачно, особенно по углам, где стоит караул. Только в центре, над стеклянным гробом горит лампочка Ильича. Входит Главный Кормчий: френч, галифе, сапоги, усы – всё при нём. Товарищи часовые, говорит он, товарищ Ленин благодарит вас за хорошую службу. Вы стояли на часах тихо и спокойно, как мертвые. Надеюсь, так же отлично вы постоите и на вечности, ибо вам оказано высокое доверие, и с этого момента вы переходите в царство... э-э, нет... в епархию... нет... в общем, в личное распоряжение нашего дорогого учителя. Поблагодарите его и ступайте. И четверо караульных покидают свои углы, штыки у них за плечами, торжественно-испуганные лица, и, чеканя шаг, подходят к гробу. И отдав гробу честь, колоннообразно выходят вон, где их ждёт машина, которая увозит их туда, откуда ещё никто не возвращался. Ибо ни один живой не должен знать о встречах на высоком мертвом уровне.

А Сталин между тем нажимает кнопку, и откинувшийся стеклянный колпак позволяет ему возлечь рядом сами понимаете с кем. Он принимает такую же, как у Ленина, прямую на спине позу, глаза в потолок, точнее, в лампочку; и кажется, всё им до лампочки, особенно тому, который одет в классический костюм и бородку, и веки которого закрыты. Но вот ученик и соратник толкает его локтем в бок, веки открываются, и между ними происходит следующий разговор.

С. Слушай, зачем опять такой холодный приём? К тебе гость пришёл, а ты лежишь, не замечаешь.

Л. Брось, Оська. Какой ты гость; ты гвоздь у меня в горле! Шляешься сюда каждую ночь, словно я жена тебе.

С. Э-э, что там жена, Владимир Ильич! Ты дороже. Идея дороже жены.

Л. (раздражённо, переходя в крик). Опять, хам, за советом пришёл?! Не дам я тебе больше советов! Он меня угробил, и я ещё ему управлять помогай – накось выкуси! Пусть народ выведет тебя на чистую воду! Пусть соратники сделают с тобой то же, что ты со мной!

С. (иронично). Ну, зачем так волнуешься? Покойникам вредно волноваться... Раскричался, как баба, не дам да не дам; (с металлом в голосе) дашь, конечно, куда ты денешься... (Спокойнее) И что удивительно, каждый раз встречаешь меня в штыки, хотя знаешь, что всё равно выйдет по-моему. Или у вас, лежачих, память коротка? Спите, а потом не помните ничего?.. Ну чем ты недоволен? Всё у тебя есть. Суетиться не надо, лежи себе, размышляй на вечном досуге, решай, так сказать, стратегические задачи. А тут крутишься до ночи в Кремле, и сейчас вот – думаешь, я спать поеду? Нет, повезу к себе на дачу банду, буду её вином поить, чтобы ходили завтра мои помощнички размягченные и не злоумыслили чего. Ждут они меня в машине, так что давай, не тяни, говори, что дальше делать... Ты же править страной хотел, так ты и правишь!

Л. Ага, а слава – тебе.

С. Обижаешь, начальник! Ко мне, что ли, люди день-деньской текут?! Да такая, как у тебя, слава даже Наполеону не снилась. Ты для народа – Бог!

Л. Бог, выставленный напоказ, как зверь в зоопарке!

С. А это для наглядности. Ведь когда Бога не видно, сомнения начинают одолевать, есть ли он на самом деле? Мы почему с религией так быстро расправились? Потому что сумлевался в ней шибко народ. А сейчас... не веришь – заходи, смотри, благоговей. Вот он, мальчик, – был, есть и будет! И зря этот мальчик жалеет немножко славы для своего заместителя. На мне же всё хозяйство держится... Ты – моя голова, я – твои руки, а вместе мы – одно политическое тело... Ну так что? Или пятки тебе, как бывало, пощекотать или прикажешь полюбовать сзади?

Л. (испуганно). Нет-нет!.. На чём мы остановились?

С. Трощкого я из страны трощкнул. Потихоньку и других беру в оборот. Не пора ли, дорогой Ильич, нам мировую революцию раздуть?

Л. Рано ещё: дышала слаба. Ты это, давай индустрию подымай.

С. Какую – легкую или тяжелую?

Л. Чем тяжелее, тем лучше.

Так они говорят ещё некоторое время. Потом Сталин встаёт и идёт бросать в переплавку народ и железо, читать роман «Как закалялась сталь». А мы возвращаемся к своим баранам.

2

Ну вот, лиха беда начало. Он начал робко с ноты *до*, потом, ничего, распелся, вошёл в раж, так что в конце грохнул о сцену гитарой... А дальше что? – смотрите на меня с изрядной долей ехидцы. Как, мол, ты выкрутишься без маломальского сюжета и очерченного круга героев? Э-э, други мои сердешные, вы не поняли, с кем имеете дело. Я вообще не сторонник сюжетов и всяческих там историй. Истории пусть вам история рассказывает, или жизнь, или имитирующие её (как правило, плохо) романисты. А мы пойдём другим путём, точнее, тропинкой, поскольку мало хожена и едва приметна. Куда ведёт-заведёт сия тропинка, повторюсь, не знаю, и затея моя, соглашусь, авантюрна. Но если станете прикладывать к ней эпитет «безнадежная», категорически завозражаю. Надежда есть. И уповаю я – не много не мало – на самого Бога, который, как сказано в библии, есть Слово, хотя и сам, конечно, постараюсь не оплошать. Помните поговорку: язык до Киева доведёт? Но также говорят: язык мой – враг мой. И где же истина? Будем искать её посередине, и сравним язык с лабиринтом, откуда то ли выберешься, то ли нет, бабушка точный не даёт ответ. Ну что ж, заблудиться в собственной речи, быть погребённым под словесами – тоже неплохо, по крайней мере, достойная писателя смерть. Ибо в идеале сапожник умирает под сапогом, портной задыхается в гардеробе, а у члена государственной Думы, понятно, взрывается от переусердия голова. Жалко смотреть на наших думцев, ведь с бомбами на плечах ходят.

Они шли бесконечными коридорами и переходами, минуя маленькие комнаты и просторные залы. Свет, проникающий через редкие узкие отверстия в толстых стенах, а также ночной брат его, исходящий от светильников, были слабы и не могли противостоять царящему во дворце сумраку. Хотя семь юношей и семь девушек ступали осторожно и были обуты в легкие сандалии, пустота усиливала звук их шагов. Царь Минус, заказавший архитектору Дёдалу постройку дворца, оставался верен своей сути и, сделав ставку на количество ходов и помещений, отминусовал всяческое внутреннее убранство. Да оно, собственно, и не было нужно, поскольку чудовище зодчества предназначалось отнюдь не для жизни. Вот и эти 14 молодых человек вошли сюда, чтобы быть из неё, жизни, отминусованы. Они шли и в страхе ожидали, как из-за очередного поворота выскочит Минотавр и с рёвом, от которого душа уходит в пятки, а то и вовсе покидает тело, бросится на них.

Наконец, юноша, идущий впереди, самый смелый и предприимчивый (к сожалению, история не сохранила его имя), остановился и поднял руку в просьбе выслушать его. Друзья мои, сказал он, я думаю, никакого Минотавра здесь нет, а если и был, то давно помер от голода, потому что в этом, простите за невольный неологизм, блуждальнике ему столь же трудно было сыскать пищу, как и нам выход. Мне кажется, Минотавр придуман царём Минусом исключительно для того, чтобы посеять в наших душах страх. Наши предшественники, гонимые страхом, метались здесь, как кролики в загоне, и быстро теряли силы. Они погибли, потому что искали выход. А выход в том, чтобы его не искать! Это как? – воскликнули спутники безымянного героя.

Быть может, этого героя звали Тезей? – лукаво перебивают меня знатоки древнегреческой мифологии. Обижаете, отвечаю, кто ж Тезея не знает! Он и в самом деле прибыл на Крит вместе с афинской молодёжью, чудовищу на закуску предназначенной. Прибыл с целью замочить мечом тварь мычашую и освободить Афины от позорной дани. Но... в Лабиринт не входил. Неужели струсил?! Ну что вы, он же герой. Просто увлёкся беседой с хозяином острова. Топнув ногой и окрасившись гнева румянцем, Минус воскликнул: «Да как ты мне смеешь перечить, жалкий плебей! Да известно ль тебе, кто мой папа!?! Ты перед сыном стоишь самого громовержца Зевеса». «Зря ты кичишься своим, Минус, происхождением, – гордо ему отвечал и спокойно Тезей благородный. – Если на то уж пошло, мой отец тоже шибко бессмертный, он и в огне не горит и в воде не утонет, ибо живёт под водой. Понял, о ком говорю? Будешь меня оскорблять, он прискачет на тройке, с трезубцем, и на трезубец, как кильку, наколет тебя!» Трах-тибидох, тут опешил немного критянин, но, потерявшись слегка, быстренько выход нашёл. «Что ж, говорит, докажи, что ты сын Посейдона: это кольцо золотое вернуть мне из моря сумеешь». Редкая птица (ты помнишь?) достигнет его середины, а вот кольцо долетело и плюхнулось в хлябь, и, напоследок сверкнув, кануло в мрачную бездну. Смело, как пёс водолаз, прыгнул за ним и Тезей. Прыгнул, хотя увидел, что оно из дешёвенькой меди. Прыгнул, ведь честь для героя, представьте, превыше всего.

А так, сказал Безымянный, обоснуемся и будем здесь жить. Или вы думаете, мы тащим весь этот груз в подарок Минотавру? Не кушай, мол, нас, товарищ чудовище, мы тебе ДРУГУЮ еду принесли. Присмотревшись, замечаем, что молодые люди и вправду хорошо подготовились к долгой экскурсии по Лабиринту. Кто нёс овцу, кто – курицу, кто – мешок с крупой, а кто и – котелок с топором. Когда Минус увидел сей «сопутствующий товар», зело удивился, но, усмехнувшись, позволил его взять с собой, то ли исполняя их последнее желание, то ли злорадствуя, что это лишь продлит их агонию. Между тем не все спутники Безымянного поверили в эфемерность монстра, но все устали и согласились раскинуть бивак. И вот они нашли на первом этаже дворца просторный зал с земляным полом. А надо заметить, непокрытый пол был правилом для нижнего этажа, ибо строители куда-то спешили. Особенностью же данного зала явилось то, что в полу бил ключ. К тому же сумрак здесь проигрывал свету, поскольку во внешней стене зияли не только оконца-амбразуры, но и незапланированные щели. Впрочем, свет стал скоро темнеть: за стеной вечерело. Послышалось далёкое мычание коров гонимого с полей стада. Этот звук снова напомнил пленникам о быкочеловеке, и взгляды их невольно устремились на чернеющий дверной (без дверей) проём. Но Минотавр, слава богу, не мычал, не блеял и вообще не показывался. Корову бы ему в жёны, пошутил Безымянный, сразу бы из дикого превратился в домашнего и травоядного. Жаль, у нас нет коровы. Но зато есть другие твари, каждой по паре: курица и петух, овца и баран, свинья и боров. Да и самих нас – семь на семь. Так что займемся скотоводством, а может быть, и земледелием, и, глядишь, не пропадём. Ничем таким в этот день заниматься они не стали: было рано, точнее, поздно. Оставалось развести костёр, используя в качестве горящего материала строительный мусор, сварить ужин и, отужинав, лечь спать. А наутро работа закипела.

Как закипела вода, лишь герой наш под ней очутился: спруты, акулы, мурены, прочий зубастый народ – все устремились к нему, как испробовать вкусное блюдо, но не сожрать, а напротив, хотели они услужить. Сразу узнали они своего повелителя сына, видно, портретное сходство было весьма и весьма. Каждый из них подставлял свою спину Тезею, чтобы домчать, так сказать, с ветерком до дворца. Выбрал тритона герой и уселся удобно и ладно, и полетел – только пыль пузырей потянулась за ним. Как же, вы спросите, он, сухопутный, дышал под водою? Он, сухопутный, под нею спокойно дышал, так как профессор-отец (не читали вы разве?) после рождения вшил ему жабры акулы младой. Были теперь ему обе стихии покорны: влага и воздух, лишь только огня он немного боялся, хоть и герой. Отвлекаться, однако, не будем. Въехал он лихо в отцовский и страшно богатый дворец, где даже мраморный пол инкру-

стирован был драгоценными, как то кровавый рубин и желтоликий топаз, синий (но в меру) сапфир и изумруд хлорофильный. Жилище владыки морского в противоположность Лабиринту имело минимум помещений: кладовая, опочивальня, трапезная, тронный зал – вот, пожалуй, и весь перечень. Но количество возмещалось величиной. Особенно огромен был тронный зал, занимающий половину территории здания. Впрочем, не знаю, можно ли назвать зданием сооружение без крыши. Что такое? У дворца отсутствовала крыша? Вот именно, за исключением опочивальни, которая представляла собой изысканный грот, расположенный в стоящей рядом скале... Да и то сказать, на кой чёрт Посейдону крыша? От дождя скрываться что ли? Осадки здесь выпадали только в виде затонувших кораблей и утопленников. На этот случай на угловых площадках высоких дворцовых стен несли дозор четыре спрута, которые, завидев опускающийся сверху подарок, отбуксировывали его в сторонку. А там уже гады помельче, в любую щель пролезающие, производили тщательный его досмотр. Все найденные ценности сносились в кладовую и под наблюдением главного казначея, рыбы-молота, подвергались сортировке: золото – к золоту, монеты – к монетам, и тому подобное. Лучшие экземпляры шли на украшение тронного апартамента, вполне сошедшего бы, если из него вынести трон, за музейный выставочный зал. Вдоль стен его располагались каменные шкафы и столы, заставленные различными предметами ювелирного искусства, а также изделиями из фарфора и хрусталя. Жемчуг и янтарь валялись кучами прямо на полу. Дворец, как вы догадались, был одноэтажный, но на уровне второго и третьего этажей по периметру зала проходили открытые галереи. Они тоже сверкали от выставленных там сокровищ. В этот главный апартамент и въехал Тезей, точнее, спустился, ибо въехал он сверху. На тритоне – да прямо к трону. Сына увидев, вскочил Посейдон и, отбросив трезубец, подошёл с объятиями. Длинной зелёной своей бородой щекотал. И смахнул бы слезу, но вода слезам не верит, в смысле: мгновенно их растворяет; и незаметно под ней, что всплакнул человек. Жена Посейдона, богиня Амфитрита, осталась сидеть, и только протянула руку для поцелуя, когда молодец приветствовал её. Такая сдержанность вполне понятна: Тезей не был ей сыном, более того, он являл собой как бы вещественное доказательство неверности её супруга. Но она, подобно прочим богиням, давно примирилась с изменами. Таковы уж мужчины Олимпа! Как муху на варенье, как барина на дворовых девок, тянет их почему-то на смертных женщин. Рад я, сынок, говорил между тем земли колебатель, что, наконец, ты пожаловал в гости к отцу. Я уж подумал: забыл ты меня грешным делом. И не припомню на фоне владений своих статной фигуры твоей. Впрочем, прости старика, не время сейчас для упрёков. Время попить да царство моё посмотреть. Ох, и обширно оно, и красот в нём немало разлито, но, полагаю, управимся где-нибудь за квартал. Батюшка, молвил Тезей, это ты извинить меня должен, что, закрутившись в делах, я ни разу к тебе не нырнул. Но я твой сын и герой; незавидная доля героя – подвиги знай совершай без отпуска и выходных. Вот и сейчас я спешу: надо срочно порешить одного урода, что взял моду питаться моими земляками. Представляешь, папа, уже 28 человек сожрал. И ещё на подходе 14. Да уж, почесал бороду Посейдон, тогда конечно, конечно, не стану задерживать. Но неужели этот урод живёт в море? Нет, на острове неподалёку. Просто тамошний царь усомнился, что я тебе сродни, и, кинув в воду медное кольцо, попросил вернуть его в качестве доказательства. Что ж, докажи ему, сынок, докажи, а потом и я ему докажу, так что он перестанет сомневаться в чём бы то ни было. Тут владыка морей подозвал к себе главного хранителя – ту самую рыбу-молот, которую давеча мы по ошибке назвали казначеем. Привыкли мы, понимаешь, судить со своей колокольни, и не можем вообразить, что где-то есть мир, в котором деньги совершенно не в ходу. Все монеты и прочие ценности не представляли для подданных Посейдона никакой, простите за каламбур, ценности. И то было (есть и будет) идеальное общество, где каждый изволил кушать только в меру своих сил: что поймал, нашёл, то и съел, а коли сыт, то и не ловишь. Тогда как деньги развивают аппетит до катастрофических размеров, и денежный субъект начинает пожирать всё подряд: ближних и дальних, целые страны и континенты, забывая при этом

старую русскую поговорку: жадность фраера погубит. И губит. Рано или поздно... Принести сюда, приказал Посейдон, медные кольца, собранные за последние полчаса. Моментально свершилось. И в мини-горке, лежащей на серебряном круглом подносе, разглядел герой: вот оно самое, с его знаком – минус. Обещая скоро быть, обнял он отца на прощание; а Амфитрита, растроганная геройством юноши, возложила ему на голову венок из коралловой ветки. Между тем придворная и прочая публика на берегу уже заскучала и стала расходиться. Как вдруг море вспенилось игриво, и из воды показался верхом на дельфине (тритона сменил на дельфина он) сочтённый утопленником, в красном венке, с кольцом, зажатым в кулаке, весь мокрый и улыбающийся. Не юноша, – принц! Дочь Минуса Ариадна, увидев, что молодой человек не лыком шит, потеряла голову. Едва себя сдержала она, чтобы не кинуться к нему с поцелуями. Тезей подал царю кольцо и, оглядевшись, поинтересовался, где его спутники. Они так спешили полюбоваться Минотавром, что не дождались тебя, ехидно произнёс Минус. Вряд ли ты их найдёшь. Впрочем, я тебя не отговариваю, двери Лабиринта всегда открыты. Поняв, что обманут, герой в ярости чуть было не поднял на царственную особу кулак, забыв про меч, на его поясе болтающийся. Но нежный и умоляющий взгляд Ариадны остановил его. Кивком головы пригласила царевна Тезея следовать за собой. У царских покоев она незаметно вложила ему в руку клубок ниток и шепнула: приходи ночью. И взяв кончик нити, медленно вошла во дворец, а разматывающийся клубок щекотал ладонь ему. И это щекотание приятно разбегалось по всему телу и заставляло сердце биться учащённей. На дворцовую ступень он сел в предвкушенье чего-то. Когда, наконец, солнце ушло спать и стражники стали клевать носом, юноша встал и начал сматывать размотанное. Куда привела его сия нить? Правильно, в спальню царевны. А вы думали: нить Ариадны – это символ спасения? Нет, это символ пленения. Правда, пленения сладкого, любовного. В спальне мерцало и благоухало. На треножнике в углу тлели угли, отбрасывая на обстановку малиновые отсветы. Благовонная травка, видимо, курилась там: шёл пьянящий дымок. Моя любовь – не струйка дыма, моя любовь – фонтан огня, – вспомнились Тезею строки поэта. Сидевшая на ложе Ариадна навстречу ему поднялась. Твои земляки в безопасности, сказала она, оправляя сползающий с плеча хитон, Минотавра нет. Минотавр – это плод большого отцовского воображения. Она взяла юношу за руку: ты мне веришь? И смотрела так, что ей нельзя было не верить. Её нельзя было не любить. И каряя бездна поглотила героя, по крайней мере – на эту ночь.

Первым делом они замесили глину и из валявшихся повсюду камней построили загон для скота. Потом они вырыли прямоугольную яму метра полтора глубиной, обложили её дно и стороны плоскими камнями, и направили туда воду источника. Получилось что-то вроде бассейна. Достигая определенного уровня, H₂O убегала по канавке из зала прочь – куда-то под стену. Затем они возделали небольшое поле, засеяв его каким-то зерном: не то пшеницей, не то гречей. Потом... Нет, увольте! Я не бытописатель, и лавры Даниэля Дефо, растянувшего обустройство жизни героя на целый роман, меня не прельщают. Поэтому перейду сразу к финалу. Прошло каких-нибудь 60 лет. В один прекрасный день двери Лабиринта распахнулись, и наружу хлынула масса людей и скота. Люди и животные настолько расплодились за это время, что заполнили весь дворец, и, как вода находит себе путь, невольно нашли выход. Так, массой (именно количеством, а не умением) был побеждён ужасный Лабиринт. Однако это ничуть не огорчило царя Минуса, ибо к данному моменту он давно уже умер.

Он погнался за сбежавшим от него мастером Дедалом. Как всякий художник (в широком смысле слова), Дедал жаждал свободы и терпеть не мог работать на кого-либо, сидя на одном месте. Чтобы сбежать, он соорудил крылья и стал первым человеком-летуном, перепрыгнув по воздуху с острова Крит на остров Сицилия. Узнав его местоположение, Минус подплыл к Сицилии на эскадре кораблей с войском. У тамошнего правителя Кокала выдать беглеца потребовал критянин. Потребовал через переговорщика в устном виде, а ответ получил в письменном. Развернув свиток, он прочёл: «Мы, повелитель всея Сицилии Кокал I, рады

приветствовать брата нашего, великого царя Крита, чья слава облетела всё Средиземноморье, и который наконец-то удостоил нас своим посещением. Разумеется, мы передадим ему мастера, несмотря на его мастерство, Дедала, ибо не намерены ссориться с братом нашим, а напротив, заинтересованы в сближении и дальнейшем укреплении дружественных отношений... Но неужели царь Минус пренебрегнет нашим гостеприимством, не отдохнёт с дороги, не омоет своё тело в термах, не попирует с нами за одним столом?! О, от одной лишь мысли, что такое возможно, нам делается не по себе. И дочери наши, жаждущие лицезреть великого царя, нам этого не простят». Согласитесь, затруднительно отреагировать на такой призыв в минусовом смысле. Тем более что нога хотела ступить на твёрдую землю, и тело в целом омовения хотело, поскольку на тогдашних кораблях, как известно, даже гальюн отсутствовал, не говоря уже о ванной, и приходилось облеγχаться за борт, рискуя свалиться туда вслед за своим содержимым. И Минус принял приглашение Кокала. Во главе свиты сошёл он на берег, где был встречен музыкой. Три дочки сицилийского правителя (кто их знает, как их звали) многообещающе улыбались ему. Цари обнялись. По рюмочке, простите, по чаше вина? – предложил хозяин гостю. Нет, я не могу в таком виде, сказал тот, сначала я должен принять ванну. О, конечно, конечно, прошу, термы уже под градусом. И Минус вошёл в отдельный, так сказать, кабинет. А если сменить ресторанный ассоциацию на театральную, получится: в царскую ложу вошёл он. И скинув пурпурную хламиду, в маленькой комнате погрузился в маленькую купальню. Хорошо! А вот и рабыни, числом три, которые потрут ему спину и умастят всё тело. Ба-а! Да это сами царевны пожаловали! И в каком виде! При полном при параде, то есть абсолютно нагие. Удостаивался ли, спрашиваем, кто из власть предержащих этакой чести? Нет, смело отвечаем, никто. Только он, ослабившийся им навстречу. Вот встали они пред ним шеренгообразно – с той стороны, куда вытянуты его ноги, чтобы ему удобнее было рассматривать их. Встали они, одна другой краше, немного смущаясь: всё-таки не раб, а царь лицезрел их наготу. Как водица? – кротко улыбнувшись, спросила одна сестрица. Не прохладна ли? Может, добавить горяченькой? Нет, в самый раз, машинально ответил он, так как может ли мужчина, пусть пожилой, в такую минуту думать о воде? Тройная красота ударила ему в голову. Он не удержался и тоже встал. Вода достигала его пояса; лицо его находилось на уровне колен обольстительниц. Минус погладил первую попавшуюся лодыжку и сказал её обладательнице: Потри мне спинку. Сейчас, мой повелитель, отозвалась та, а сама сделала шаг назад. То же сделали её сёстры. Точнее, они расступились, поскольку прямо за ними стояла печь с раскалённой плитой, на которой пускал пары котёл внушительный. Ах, шалуны! – подумал Минус. – Они играют со мной... Но что они делают? А они, взяв котёл за ручки, опрокидывают его содержимое ему на голову... О, майн Готт! Как ужасна порой бывает смерть! Невольно вспоминаются строки поэта: «Лёгкой жизни я просил у бога, лёгкой смерти надо бы просить!» И от многого, от очень многого откажешься в этом мире, лишь бы не испытывать страшных мук при переходе в тот. Лучше всего умереть во сне, этак уснул и не проснулся. А если уж боль неизбежна, то пусть она будет кратковременной: раз, где-то что-то кольнуло, порвалось – и ты уже в дамках, в смысле в глубочайшем (не вынырнуть) обмороке. Минус возжелал девицу (или девиц), а к нему пришла та, кого французские трубадуры называли *La belle dame sans merci*, что переводится как Прекрасная беспощадная дама. Она хлынула на него в виде кипятка, и прошло несколько часов, прежде чем он кончил и кончился. Вот и он, обманщик и злодей, сам обманулся: не разглядел в трёх юных созданиях настоящих фурий и садисток, от которых, по нашему мнению, родилась-началась знаменитая сицилийская мафия. Впрочем, не садистские наклонности подтолкнули красавиц к преступлению (они проявились попутно), подтолкнуло страстное желание оставить у себя Дедала. И дочери уговорили папу рискнуть, хотя на карту ставилось их царство, свобода и, возможно, сама жизнь. Но и от мастера они ожидали ни много ни мало, как чуда. А что ещё можно ожидать от того, кто прилетел к вам по небу?! Чудо представлялось сёстрам смутно: то ли в виде небывалого дворца, то ли в виде сверхъестественного

изобретения, вроде крыльев. Да и научиться летать им зело хотелось. Но, как говорится, рождённый ползать... Ни царевны, ни другие желающие, сколько ни махали, не смогли оторваться от грешной земли. Дедал тоже больше не взлетал: кажется, у него пропал к этому вкус, а может быть, и умение, поскольку прибыл он на Сицилию каким-то надломленным. В чём причина надлома? Не в том ли, что с Крита они вылетели вдвоём с сыном, а сюда приземлился он один?.. Но доскажем прежде о Минусе, точнее, о его войске. Оставшись без головы, критский змей кинулся на всех парусах назад в своё логово, чтобы отрастить там новый череп. По пути он потерял ещё некоторые свои части, так как родственники и приближённые вскипевшего царя, сопровождавшие его в походе, тоже вскипели – гневом друг на друга, выясняя между собой, кто из них будет лучше смотреться на троне. Войско разделилось, и произошёл гражданский морской бой, так что до дома добрались немногие. Там они неприятно удивились, увидев, что свято место уже не пустует: Критом уже руководит Тезей. Ариадна предложила ему сначала себя, а потом и весь остров. Но как, спрашивается, она узнала, что отец её т о г о? Сдаётся нам: кто-то из богов проболтался. Не будем показывать пальцем, но это Посейдон. Кстати, в гибели Минуса также чувствуются его происки: сёстры извели критянина с помощью воды, а кто водной стихией правит? То-то.

Когда Гелиос, совершая ежедневную прогулку, выехал из-за горизонта на золотой колеснице, впряжённой в четверку не менее золотых коней, Дедал и его тринадцатилетний сын Икар поднялись по тропинке на холм, обрывающийся к лазурному морю... Жаль, что колесницу, коней и, тем более, самого бога могли различать только дальнзоркие древние греки. Нам же по причине близорукости теперь это всё представляется сплошным огненным шаром. Оттого, видно, в нашем доме шаром покати. Грекам светил бог, нас же освещает желтый карлик, то есть урод, и мы ходим под ним уроды уродами, если не телом, то душой. А Дедал, представьте себе, нёс за спиной мешок. Остановившись на ровной каменной площадке, он высыпал из мешка кучу перьев. С помощью льняных ниток и воска стал собирать из оных крылья он. Ветер дремал, море слегка плескалось, перья лежали смирно. Икар с любопытством наблюдал за работой отца. Когда четыре крыла были готовы, Дедал взял два из них, что побольше, и продел руки в кожаные ремни, пришитые снизу. Несколько взмахов – и он в воздухе, в десятке метров от земли. Он совершает небольшой круг над морем и возвращается. Восторг, немного разбавленный страхом, переполняет Икара. Помогая сыну опериться, отец наставляет его: не бойся и не бейся, маши плавно и спокойно, воздух сам будет тебя держать; овладеешь воздушными потоками – станешь орлом. Лети за мной; не приближайся ни к солнцу, ни к волнам, ибо Гелиос сожжёт твои крылья, а Посейдон их подмочит. Ни огонь, ни воду пройти нельзя, но можно проскочить между ними; лети строго за мной.

Эх, Дедал, Дедал! Кому ты говоришь о мере?! Разве ты не был мальчиком и юношей? Разве, впервые попробовав вина, ты не напился пьяным?.. Ну, кто из нас, глядя на птиц, не мечтал вот так же промчаться над холмами, лугами и перелесками, то набирая, то сбавляя скорость!?. Твой сын помнил твой совет, Дедал, пока не очутился в воздухе. Полёт опьянил его. И скоро, очень скоро он стал круто заходить вверх. Когда ты в очередной раз оглянулся, Икара не было. Ты полетел спиралевидно и тревожно, сначала ниже, потом выше, и закричал: Икар, Икар! Но вот ты заметил в вышине точку, которая приближалась. И выросла – в сына. Был бледен он. Был как будто в испарине. С крыльев его стекали капли воды. Что с тобой, мой мальчик? И взволновано заговорил мальчик. Отец, ты сказал, что наверху жар, а там страшный холод: я весь покрылся инеем. И там нечем дышать, отец. Ничего не понимаю! – озадачился Дедал, и если бы не крылья, почесал бы себе затылок. Ничего не понимаю, повторил, как же там живут боги? Там нет богов, отец. Что ты говоришь, Икар? Это невозможно!.. А-а, ты перевознолся; ещё бы такое – первый раз подняться в небо. Или перегрелся на высоте. Летим скорее дальше, на остров, тебе надо отдохнуть. Ты не веришь мне, тогда поднимись сам. Нет-нет, потом; сейчас тебе надо отдохнуть. И они некоторое время летели рядом. Что-то невнятно

бормотал Икар. Бедняжка, думал Дедал, он бредит, он явно перегрелся. Но если бы изобретатель (хотя и художник в широком смысле, а всё же технарь) мог разобрать расшифровать понять монолог сына, он бы расслышал следующее.

Приветствую тебя, о, пятый океан! До сих пор ты был доступен лишь богам и птицам. И сколько бы человек ни старался удержаться на тебе, сколько бы ни прыгал вверх, он тут же стремглав возвращался на землю, да так что больше с неё не вставал. Своими прыжками он напоминал курицу, пытающуюся взлететь, или неудачного объездчика. Но вот мой отец, кажется, обуздал тебя, о, пятый океан, и мы летим, ей богу, летим! Конечно, ты ещё не приручен, ты никогда не будешь приручен! Сейчас ты спокоен и чист, как пастух, возвращающийся с полей; ты гонишь нам навстречу редких белых барашков. Здравствуйте, дорогие гости, говоришь ты, и угощаешь нас вином, мясом и овечьим сыром. Но стоит нам немного забыть (а человек всегда рано или поздно забывается, поскольку горд и глуп), стоит нам запанибратски начать хлопать тебя по плечу, как брови твои сдвинутся, овцы твои сгустятся, почернеют и превратятся в волкодавов, и на нас обрушится гром и молния твоего гнева. И где мы тогда будем с нашими жалкими неуклюжими самодельными крыльями, где мы тогда будем? Приветствую тебя, о, пятый океан!

Люди называют тебя «обителью богов», но, сколько мы ни летим, ни одного из них не встретили. И вряд ли встретим. Мне кажется, ты позволил нам войти в свои владения лишь затем, чтобы подтвердить мою догадку, что боги выдуманы человеком. Не случайно они так же глупы и эгоистичны, как их создатели. Хотя бы внешне они отличались от людей. Право, уж лучше молиться дереву или, скажем, крокодилу, да, крокодилу, чем подобному себе... Да, людских богов нет, но есть ты, и ты для меня Бог. Приветствую тебя, о, пятый океан! Как просторно, прости за тавтологию, в твоих просторах! И как не хочется испытавшему полёт и свободу возвращаться в клетку тюрьму тесноту земли! О, если бы ты позволил мне остаться с тобой, быть твоей частью, нет, не птицей, ибо птицы всё же земные твари, а частью воздуха, если ты и вправду состоишь из него, о, пятый океан. Только не опускай меня до нижнего уровня, чтобы меня не вдохнул своим гнилостным ртом какой-нибудь двуногий подлец. И ещё. Пусть наш полёт станет первым и последним. Не позволяй людям овладеть тобой, поскольку они не найдут тебе лучшего применения, как только метать с твоей высоты друг на друга копья и стрелы. В свои бесконечные грязные войны они втянут тебя, и тем осквернят. Не допусти этого, о, воздушный океан, оставайся всегда чистым и первозданным.

Некоторое время они летели рядом. Потом Икар стал отставать. И когда отец в очередной раз оглянулся, сына не было. Повернув назад и снизившись к воде, перья знакомых крыльев увидел на волнах Дедал. И всё понял. Машинально он долетел до Сицилии.

3

Тьфу-тьфу-тьфу, любезные судари, но, кажется, процесс идёт, банька поэмы (а сия вещь, по нашим мечтам, должна оказаться поэмой, а отнюдь не романом; только не подумайте, что автор взял курс на «Мёртвые души»; идём, повторяю, без всякого курса, исключительно по воле волн, хотя с Гоголем нас роднит одна основополагающая идея, если хотите, догадка, лежащая в основе наших мироощущений; но какова эта идея, промолчим, ибо худпроизведение, как женщина округлостью бёдер, прекрасно своей тайной – сможешь, разгадай) банька поэмы топится, и мы, даст бог, попаримся в ней... Как, вопрошаете, меня зовут-то? Извините, не представился – Иоанн Златоуст, можно просто Ваня. Тому известному Златоусту, отцу церкви, не сват и не брат, а случайное совпадение, каких в мире немало. Посудите сами, тот был христианин и оратор, а я, напротив, словеса сплетаю лишь на бумаге, и заговори со мной, задай мне хоть самый тривиальный вопрос, например, который час? – тотчас же опешу и совершенно не найдусь. Единственное, в чём я совпадаю с моим прославленным тёзкой, – так это в повы-

шенном чувстве несправедливости. Он не уставал обличать соотечественников, погрязших в роскоши на фоне общенародного обнищания, за что и был сослан на Кавказ, точнее говоря, в Армению. Я тоже не устану проповедовать скромность и благородство, хотя в Армению буду сослан едва ли.

Если бы двенадцатилетнего мальчика Ваню спросили: что такое счастье? – он бы, не задумываясь, ответил: счастье – это когда у тебя есть велосипед. С блеском в глазах смотрел он на пацанов, гоняющих вокруг барака, где они жили, на двухколёсных красавцах. Конечно, его катали (на раме или на багажнике), ему давали прокатиться, но это было не то. Хотелось иметь с в о е г о, то есть постоянного, рогатого и поджарого друга.

И вот несчастное (с точки зрения Вани) детство кончилось. Всё, Ванька, сказал отец, беру тебе с получки велосипед. Это тебе подарок на день рождения, ну, и вообще... Слово «вообще» могло означать только одно: больше ты такого дорогого подарка не увидишь. Обычно дарили какую-нибудь мелочь, в лучшем случае – игру, но чаще, приятное с полезным, по их, родителей, мнению, сочетая, – что-нибудь из одежды или обуви, или школьно-канцелярскую принадлежность. А тут велосипед! Вещь в хозяйстве почти бесполезная, причём, стоящая половину зарплаты.

Накануне того знаменательного дня Ваня долго не мог уснуть, а в самый день не мог дожждаться вечера, когда отец вернётся с работы. Наконец, с крыльца он увидел: идёт! Идёт и несёт! Тут же, на крыльце, отец и сын освободили велочасти от промасленной бумаги, протёрли их сухой тряпкой. Собралась барачная публика: в основном, конечно, пацаны, но были и девочки, и несколько взрослых дядек. Родитель прикрутил к раме вилку переднего колеса, затем сами колёса, седло, руль, крылья, багажник и, как последний штрих велокартины, звонок с рычажком сбоку. Потянешь за рычажок, и он – дзынь-дзынь. Звук слабый и не пугающий, так что пешеход может не обратить на него внимания, но, с другой стороны, велосипед – не машина, сильно не сшибёт. Ах, да, мы забыли сказать о цепи: конечно, она была надета на звёздочки, малую и большую. Есть такие аккорды на семиструнной гитаре: звёздочка малая и звёздочка большая; прибавим к ним обратную лесенку – и любая песенка из дворового репертуара спета. Накачав колёса и защебив правую брючину деревянной бельевой прищепкой, отец сделал пробу, признаться, весьма неуклюжую: петляя, хотя ещё не выпил (между тем бутылка уже ждала его на столе; какая получка без бутылки!), он проехал вокруг барака. На, Ванька, сказал он, неловко спешившись, только осторожно: яйца не сотри. Пацаны засмеялись. Засмеялись по инерции, потому что не раз слышали эти слова и привыкли к подобному юмору. Замечание же отца основывалось на том, что велосипед был взрослый и явно Ване велик. Да-с, велик был велик. Всё тут покупалось на вырост: ботинки – чтобы хватило года на два, костюм – на три, а пальто – и того больше. Впрочем, Ваня з н а л, что у него будет взрослый велосипед, более того, он хотел этого. Ничего, думал он, нынешнее лето проезжу на раме, а на следующее, глядишь, до седла дорасту. С умилением он смотрел на обрётённого большого друга, брюнета, по чёрной раме которого шла белая надпись: Урал. Обода и руль – под серебро, а седло и ручки руля по-тёмному коричневели. Встав левой ногой на педаль и оттолкнувшись, Ваня привычно перекинул правую через хребет железного коня. Каких-нибудь пару сантиметров не доставали ноги до педалей в их нижнем положении. И приходилось ёрзать. Со стороны это выглядело забавно. Но не менее забавным и неудобным был другой способ велокатания недорослей – под рамой, когда едешь, выгнув туловище на сторону, словно тебя скрючил паралич. Но разве придаёшь значение мелочам, когда есть главное – твой конь о двух колёсах, который не ржёт, овса не просит и так или иначе тебя везёт. Солнце на спицах, синева над головой, ветер – нам в лица, обгоняем шар земной. Ну, шар не шар, а барак родной вокруг объедем. Стоит он двухэтажный и коричнево-чёрный, прокопчённый дымом угольным, увенчанный башенками кирпичных труб. Сейчас лето, и трубы не курятся, можно сказать, в отпуску они; но дай срок – и

повалит из них дымина негроподобный, с крупными хлопьями сажи. От печи начнёт танцевать по комнате тепло, и ты заснёшь в субтропиках, а проснёшься в тундре, особенно если за окном ветродуй и за минус пятнадцать. И не захочется тебе высовывать нос из-под одеяла, но надо. Надо вставать, завтракать и идти в школу. Если выйдешь из подъезда, их два, но из какого ни выйдешь – непременно уткнёшься взглядом в ряд дощатых сараев. На каждую комнату (читай – квартиру) полагается сарай. А как же! Уголь и дрова, идущие на растопку, хранить где-то трэба? Кроме того, в хозяйстве не можно без хранимого здесь же инструмента, как то лопата, лом, топор, пила-ножовка и двуручная пила, шутиливо прозванная «Дружба-2», молоток и гвозди. Держали в сарае также велосипеды, мопеды и мотоциклы, а кое-кто – курей и поросят. На первый взгляд, это рискованно: пни ногой – доска в стенке отойдёт, залезай в проделанную брешь и бери что хошь. Но, надо признать, воровство было не в почёте. Жили бедно, но не воровали. Или почти не воровали. Мать, округлив глаза, не раз внушала Ване: Никогда не бери чужого... Не смей брать чужого! Что ты, мама, зачем мне чужое? У меня всё есть, вот даже велосипед. Я еду на нём вокруг барака, который стоит среди ему подобных, деревянных и почерневших, только малорослых, то есть одноэтажных. А два-три из них снаружи оштукатурены и побелены и притворяются каменными. Я еду мимо «забывающих козла» мужиков, мимо малышни, играющей в песочнице, мимо девочек примерно моего возраста (плюс-минус два года), с которыми пытаюсь держать себя нагло и высокомерно, но это получается плохо, так как на самом деле они сильно смущают меня. Особенно одна, соседка и одноклассница по имени Таня. Да-с, Таня смущает Ваню. Чем же, чем же она его смущает? Да как вам сказать, всем своим обликом, что ли. Прежде всего, своим лицом. Да и фигура её кажется ему безупречной, несмотря на то, что однажды, увидев её в окно, бегущую с ведром за водой на колонку, мать, улыбнувшись, заметила: А Таня-то косолапенькая! Ну, и что? Что из того, если ноги немного колесом!? А нам нравятся колёса. Сейчас они проносят нас м и м о Тани, но настанет день, и мы ещё дёрнем её за косичку или толкнём как-нибудь, одним словом, сделаем ей больно, выражая тем самым, что глубоко к ней неравнодушны.

Пока мы катились вдоль одной стороны барака, на другой – картина поменялась. Два мужика, дядя Боря и дядя Коля, решили померяться силой и, схватившись, покатались в пыли. Оборот – и дядя Боря уже сидит верхом на дяде Коле и, слегка придушив его, вопрошает: Сдаёшься? Глядеть на это – весело и жутковато. Выходит, что взрослые вырастают только телом, а умом они остаются такими же, как мы, детьми и шалопаями. Вовка, неродной сын дяди Коли, жалеет отца, хоть и неродного, и так объясняет его поражение: К о н е ч н о, дядя Боря сильнее, ведь он ест мясо, а мой отец – одну жареную картошку. Через некоторое время Вовка покажет Ване сеанс алхимии, покажет, как политуру из малярного средства можно превратить в средство алкогольное. Он будет лить её из бутылки на хлеб, освобожденный от корок. Пройдя сквозь этот фильтр, желтоватая и маслянистая жидкость станет явно жиже и прозрачнее. И всё же Ваня не рискнёт глотнуть её, хотя пробовать вино ему уже приходилось... Ещё велосипед – и представление даёт дядя Семён. С лестницы, ведущей на чердак, взобравшись до её половины, он держит речь, подражая Ленину. Товагищи, в Петгоггаде геволуция, картавит он, Кегенский убежал в женском платье. Этот дядя Семён просто какой-то забулдыга, человек пропащий даже на фоне других всегда готовых заложить за воротник мужиков, и надо сильно исхитриться, чтобы увидеть его трезвым. Через года три он замёрзнет под заводским (работал сторожем на заводе) забором. А пока, находясь уже на крыльце и приплясывая, он напевает: Офицеров знала ты немало. Кортики, погоны, ордена. О такой ли жизни ты мечтала, трижды разведённая жена?

Но что мы всё вращаемся, как Луна вокруг Земли, вокруг барака? Мы, конечно, к нему привязаны, но не настолько же. Можно поехать на юг, мимо общественной уборной типа «М» «Ж», дощатой и побелённой (слово «туалет» было неизвестно), где зимой, понятно, холодно, а летом сквозь дырки в деревянном полу видно, как в этом самом кишат буби – белые личинки

мух. На них хорошо клюёт рыба, но Ваня недоумеваает, как можно рыться в дурно пахнущих человеческих экскрементах. Позднее он узнает, что заядлые рыбаки поступают проще. Они подвешивают на тонкой верёвочке кусочек рыбы или мяса, продукт протухает, и мухи тут как тут. Через некоторое время созревший живой урожай остаётся только стряхнуть в банку. Мимо барачков и частных домов, по бездорожью переулка (осенью и весной не проехать, но сейчас здесь сухо) выехать на главную улицу городка – улицу Ленина, мощёную синеватой брусчаткой. А по ней – либо налево вверх, мимо школы, где учишься, и кинотеатра «Победа» («по» отпало, осталась «беда») ко дворцу культуры, либо направо вниз – прямо к проходной машиностроительного завода, которая вывела в люди многих горожан.

А можно закрутить педали на север, и через какие-нибудь триста метров достичь забоя. Наверно, правильнее было бы назвать это место «карьер», поскольку тут ведётся не закрытая, а открытая разработка (экскаватор тут копает глину для стоящего рядом кирпичного заводика), но народ кличет его «забоем», а с народом не поспоришь. Вот и Ваня ничуть не сомневается, и если вы скажите ему о карьере, он ответит вам: Нет, Карьер – это соседний посёлок, где добывают щебёнку, а здесь забой. Ну, бог с ним, не в словах дело, а в сути. Суть же такова, что экскаватор всё время в поиске, и с годами оставляет за собой холмы и горки, с которых зимой хорошо кататься на лыжах. Наденешь фуфайку, то бишь телогрейку, и шапку-ушанку, и варежки, и валенки наденешь, возьмёшь лыжи и выйдешь на крыльцо. Уроки сделаны. На душе и в природе ещё светло. Сунешь ноги в ременные петли, натянешь на щиколотки тугие резины, идущие от петель, так что нога без лыжи ни туда, ни сюда, и – вперёд к забою. Лыжных палок нет, да они и не нужны: ты же не на гонки собрался; твой удел, как сказал поэт, катиться вниз. И катишься. Заберёшься «ёлочкой» или «лесенкой» на горку и снова катишься. А то найдёшь искусственный или естественный трамплинчик, то есть холмик на пути спуска, и ну прыгать с него раз за разом, пытаясь побить личный рекорд. И скользишь вниз, присев, а на трамплинчике выпрямляешься. И кажется, летишь-паришь долго, но на самом деле – 3-4 метра, однако всё равно внутри радостно и трепетно. И опомнишься лишь тогда, когда плохо станет видно лыжню, когда ночь, как строгая мать, прогонит домой. Так уже в раннюю свою пору боремся мы по мере своих сил и возможностей со скукой жизни. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы оно не повешалось. А борьба со скукой кидает нас в другую крайность – ставит нас на путь страстей, вырастающих часто на пустом месте. Тяга к соскальзыванию настолько овладела Ваней, что и мороз ему не указ. Бывало, за окном – утро туманное, утро седое, ну, пусть не утро, а день, но всё равно – за минус тридцать, а мальчик одно что надевает шапку-ушанку и берёт лыжи. Мать ему: Куда ты?! Не ходил бы ты, Ванёк, замёрзнешь. Не замёрзну, мама, отвечает, я же бегом. Однако от мороза не убежишь: старик вездесущ и молниеносен. Для начала он набрасывает тебе на лицо маску холода, и ты словно играешь самого себя, репетируешь свою будущую смерть. Челюсти твои сведены, земля под тобой скована, всё вокруг гулко и пустынно. Да, да, господа, в забое ни души, лишь одному неймётся. Движение, конечно, немного согревает, прогоняет охочего до мальчиков старца из-под фуфайки, но из-под варежек, которые отсырели от прикладывания их к лицу, оно прогнать его не может. И скатившись несколько раз, мальчик, отмороживший пальчик (на ваш вопрос: какой пальчик? – ответим расплывчато: не главный), бежит восвояси домой. Там он протягивает руки к печке, но в тепле их так начинает ломить, что хоть в снег их засовывай. Отец и говорит: В холодную воду их надо, в холодную воду! Но ничего не помогает, и минут 10 мальчик мечется по комнате, не зная куда деться, и ревет белугой. Отходняк. Впрочем, летом в забое делать нечего, разве что в одном из поросших тиной озёрец намыть «малинку» – маленьких красных червячков – личинок комара, на которые хорошо клюёт сорога и окунь.

Летом наши ноги (а теперь и колёса) устремлены, главным образом, на запад. Чем же нас влечёт запад? Хотите верьте, хотите нет – прудом. Рядом с заводом раскинулся он, и появился, как вы понимаете, благодаря заводу. Жила-была речка. Текла она себе свободно – куда глаза

глядят. Но однажды пришли на её берег люди и перегородили её плотиной. И случился с речкой застой, и превратилась она в пруд. Не так ли и ты, народ? Живёшь-течешь до поры, до времени, пока не подступятся к тебе люди с корыстными лопатами и кирками. И превращаешься ты в пруд, который, если не чистить, оборачивается в болото. Вот тебя и чистят. И открывают периодически шлюз, чтобы выпустить излишки твоего недовольства. Хозяйственные люди заботятся о тебе, как о своей собственности. Но! РУШАТСЯ ПОРОЙ ПЛОТИНЫ, ПЛОТИНЫ ПОРОЙ РУШАТСЯ... Впрочем, на западе лежит не весь пруд, а только главная, так сказать, его площадь – примерно километр на километр. Частью своей он находится к северу от города, сразу за упомянутым выше забоем. Эту часть почему-то называют Собачником. Почему? Может, потому, что здесь любят купаться четвероногие друзья наши? Нет, Ваня бы такого не сказал. Коров, стоящих по брюхо в воде, да, наблюдать ему приходилось. Но ведь не Коровник, а Собачник. Остаётся предположить, что здесь топят лишних щенков, что вполне вероятно, так как север городка застроен частными домами, где многие держат собак. Или – менее правдоподобная версия: название сие произошло от стиля плавания, который пользуется едва научившаяся плавать малышня, а именно – по-собачьи. Именно на Собачнике таким макаром поплыл Ваня впервые. Потом, ничего, освоил более солидные методы – в размашку и по-морски. Но более всего он любил нырять. Вдохнёт поглубже и – вниз, раздвигая перед собой воду руками. Однако на глубине – холодно и мрачновато, и дно, как правило, не внушает доверия: какого хлама там только нет, начиная от топляков и кончая утопленниками. Поэтому Ваня предпочитал не опускаться на дно, а плыть в метре-двух от поверхности, плыть, пока лёгкие терпят. В этом, кстати сказать, уже виден характер мальчика, его жизненная, если хотите, установка, выраженная в склонности, с одной стороны, к уединению, а с другой – к нарочитой таинственности и желанию удивлять. Я, мол, конечно, пацаны, с вами, но оглянитесь вокруг – нет уже с вами меня. Где же я? Ушёл за хлебом и не знаю, вернусь ли. А то ещё была такая игра: заходили по пояс в воду и бросали на глубину металлические серебристые пробки от пивных бутылок. Их хорошо видно под водой и удобно собирать. «Нам пробки от пивных бутылок служили ориентирами на дне пруда и жизни. В мутной глубине нам ничего другого не светило». Кто больше соберёт, тот и победил... Где, любопытствуете, мы пробки брали? И смотрите на нас выразительно, выражая взглядом насмешливый риторический вопрос: что, мол, уже приходилось вкушать от запретного плода? В целом – да, отвечаем, скромно потупив очи, но немного, может быть, один раз, когда отец с соседом, дойдя до кондиции, вышли покурить-освежиться, а мы вбежали с улицы в комнату, томимые жаждой. Ну, и глотнули не воды, а из недопитого стакана, где желтело разливное вино. Ощущения? Что ж ощущения: мир предстал каким-то странным, закутанным в цветной туман, что ли. Но я хочу досказать вам свою мысль: в целом мы откусили от запретного плода, но в данном конкретном случае – нет. Денег на пиво у нас не было. Да и не продала бы нам, малолеткам, пиво тётянка-продавец. Так что мы попросту подбирали пробки на земле – близ столовой № 6, которая стоит на западном пути к пруду. Летом внешние двери её всегда нараспашку, и, проходя мимо, слышишь человеческий гул, звон посуды и обоняешь смешанный запах приготовленных блюд. Иногда, когда у тебя в кармане бренчит (мать, например, дала полтинник, сказав: пообедай сегодня в столовой; а ты и рад, поскольку в общепите гость ты не частый, и тамошний харч кажется вкуснее домашнего), ты заходишь внутрь, в вестибюль, и на мгновение останавливаешься, как богатырь на распутье. Ибо в заведении – два зала: один (вход прямо) – собственно столовая, другой, левее, – пивная, где царят внушительные бочки, гранённые пол-литровые кружки, и дым коромыслом. Налево тебе ещё рано, и ты идёшь прямо. Прямо к буфетчице, если нет очереди, не минуя, конечно, меню, подходишь ты. И делаешь заказ. Например, говоришь: Мне, пожалуйста, пол порции шей, котлету с пюре, компот и два кусочка хлеба. Буфетчица, она же кассир столовой (а почему бы ей не совмещать, народ ведь не толпится, разве что в обед), отбивает чек. С чеком и подносом ты следуешь к раздаче, где повторяешь: Мне, пожалуйста, пол порции шей, котлету с пюре,

компот и два кусочка хлеба. Мадам раздатчица сверяет твои слова с цифрами чека (ага, соответствует) и выдаёт тебе блюда. Из далёкого сегодня, когда всё наоборот, когда сначала стулья, в смысле щи, а потом уже деньги, это кажется странным и усложнённым. Но, видимо, это делалось с целью пресечь воровство. Хотя воровства, повторяю, почти не было. Каждый советский гражданин имел и использовал право на труд, и в портмоне у него, если не шуршало, то, по крайней мере, звенело. Если пивная, продающая продукт на разлив, была закрыта или гражданину не хотелось разливного, он мог купить бутылку-другую «Жигулевского» прямо в столовой или в киоске, что работал от неё и рядом с ней в летнее время. Отсюда и – вышеупомянутые серебристые пробки, рассеянные тут и там, вокруг да около. Ну, да хватит о них, довольно мы их собрали. А вот лучше не изволите ли подойти к заведению с тыла? Там располагается деревянный склад-сарай, но не он, конечно, нас интересует – что мы, сараев не видели!? Нас интригует дополнение к нему в виде сколоченного из досок загончика, откуда слышится какая-то возня, какие-то чавки и хрюки. Ба, глядим мы поверх ограды, ба, да тут содержатся живые и грязные существа с рыльцами-пяточками и верёвочками хвостов. А отъелись-то как на казённых харчах! Некоторые уже и встать не могут. Да, столовая – это не дом: обедков много, и сам бог велел вести при столовых подсобное хозяйство. Свиньи поглощают объедки, люди – свиной; безотходное производство получается. Нам неизвестно, как зовут этих общепитовских хрюшек, но мы точно знаем, что поросёнок соседа дяди Бори носит имя, как у хозяина.

Каждый год покупает дядя Боря поросёнка, и всем им даёт своё имя. А чего мудрить? Во-первых, что называется, и с похмелья не забудешь (ибо это сколько же надо пить, чтоб забыть, кто ты!?), а во-вторых и главных, называя животное, как себя, хозяин тем самым признаётся в любви к животному. И в самом деле, Ваня однажды наблюдал, как дядя Боря задавал поросёнку Боре корм. Он не просто ему корм задавал, он и территорию его почистил, и почесал его. И вообще боров Боря розов, как младенец, в отличие от чумазных его соплеменников из столовой. Но будь ты чистым частным поросёнком или общественной свиньёй – конец у всех один. Придёт неизбежный, как революция, ноябрь, и грязь схватится, и земля наденет к празднику белый наряд, да так и не снимет его до апреля. Двери сарая откроются, и дядя Боря впервые выпустит своего питомца на волю. Тот выскочит и, проведший всю жизнь в полутьме, ослепнет от белого света, усиленного снежным сверканием. Как же, оказывается, просторен и чудесен мир, вот только зябко немного! И ещё, что-то ещё мешает поросёнку впасть в полный восторг. Хозяин как всегда ему улыбается, но в этой улыбке появилась какая-то примесь – примесь смущения. И в ласковом взгляде двух мужиков, что стоят рядом с хозяином, чувствуется что-то неладное, какой-то обман. И вот троица разделилась и стала заходить к Боре с разных сторон. Боря-Боря-Боря! – успокаивающе подзывает его тот, к кому всегда бежишь сломя голову, но сейчас подходить к нему почему-то не хочется. И что это за узкий длинный предмет блеснул на солнце в руке одного из мужиков, который пытается спрятать его за спиной? Блеснул так красиво и страшно. Вдруг хозяин бросается на Борю и валит его с ног. Боря визжит и вырывается, но ему мешают сделать это подоспевшие подельники хозяина. Все трое навалились на него всем телом. А тот, у которого в руке длинный острый (вы правильно догадались) кинжал, метит им под левую переднюю ногу поросёнка, схватив её другой рукой. О, как забилось сердечко в предчувствии невыносимой боли! Секунда – и грузное тело существа, предназначенного на съедение, передёрнула короткая судорога, красиво названная агонией. А за ней и огонь, синий огонь зашумел, вырываясь из лампы, чтобы освободить кожу от волосков. Но перед этим красная кровь хлынула из раны и растеклась лужей на притоптанном белом снегу. И наполнила кружку красная кровь, и дядя Боря отпил её, а подельники его не стали: их привлекал другой напиток – огненная вода, которая ожидала их после разделки туши. Да-да, судари мои, се ля ви. Любил ли дядя Боря своего четвероногого тёзку? Любил. И жалел. И зарезал. Что это – предательство? Нет, мы бы не стали бросаться громкими словами. Это то, о чём говорит народная мудрость: любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Ваня в отличие от дяди Бори не любил покушать, и потому рос худеньким. Бывало мать ему: съешь суп, съешь второе, – но он в лучшем случае съедал что-то одно, обижая маму своим «не хочу». И лето ему нравилось ещё в том плане, что можно было не обедать. А намажешь кусок хлеба маслом, посыплешь сверху сахарным песком и – на улицу: бегать. Почему бегать, а не гулять? Ну, посудите сами: Вы – пацан или девчонка, и что же, Вы будете прогуливаться, как некий господин, как некая дама? Нет, Вы то и дело будете переходить на бег. «Это было весною, зеленеющим маем, когда тундра надела свой роскошный наряд. Опасаясь погони, мы бежали с тобою от собачьего лая и от криков солдат». Впрочем, и зима Ваню привлекала, особенно Новый год. Ведь чем пахнет Новый год для детей Советского союза? Правильно, конфетами и мандаринами. И ёлкой. Представьте, вы учитесь во вторую смену, пришли из школы домой. Время часов шесть, за окном уже темно. В квартире тоже таится таинственный сумрак, только отблеск огня играет на жести перед печью, да в комнате горит настольная лампа, прикрытая абажуром. Вы, конечно, первым делом подбегаете к ёлке, которую вчера весь вечер украшали с родителями. Трогаете бьющихся и небьющихся (из папье-маше) зверей и птиц, игрушечные овощи и фрукты, Деда Мороза и Снегурочку. Любуетесь алеющей над всем этим, насаженной на верхушку звездой. Потом вы подходите к столу (он круглый) и высыпаете на скатерть из бумажного подарочного кулька его содержимое. Какое богатство, какое разнообразие! Помимо яблока и двух мандаринов, перед вами – разноцветная груда конфет: шоколадные, ирис, карамель. Многие из них сделаны на московской фабрике «Красный Октябрь», и хотя имя производителя набрано мелкими буквами, оно действует на вас не менее завораживающе, чем само название конфеты. Вам хочется попробовать и то, и это, но вы понимаете, что надо ограничить себя, надо растянуть удовольствие. Оранжевую мандаринку очищаете и съедаете вы. И ещё у вас сегодня по плану – две шоколадные конфеты, выбранные вами из сокровищницы. Сев на диван, вы откусываете половину «Кара-кума». Вы гладите кота Ваську, развалившегося на диване, и думаете: хорошо, что кот не любит сладкого. Он любит валерьянку; она манит его, как манит мужиков вино и водка. И хотя у кота нет рук, однажды он умудрился достать пузырёк с лекарством из комодного ящика, открыть и вылакать его. Вы кладёте в рот вторую половину конфеты. Вот он, смешанный новогодний запах – мандаринно-конфетно-ёлочный. Но – чу! – к нему прибавлено ещё что-то. Пахнет ещё чем-то сладковатым и терпким, и, как бы сказать, менее съедобным что ли. Этот аромат струится от установки, перед которой на маленьком детском стульчике сидит ваш отец. Установка представляет собой: табурет, на нём – включенная раскрасневшаяся электроплитка, на ней – большая кастрюля, где что-то шумит и булькает, а на кастрюлю надет жестяной цилиндр с трубочкой сбоку. Из трубочки в подставленную бутылку капает прозрачная жидкость. Папироса в зубах отца вспыхивает, и его профиль озаряется слабым светом, окутывается дымом. Алхимик, чародей! – думаете вы невольно и хотите угостить родителя конфетой, но вспоминаете, что он, как кот, не любит сладкого. Он выливает на табурет из бутылки немного жидкости и подносит к ней горящую спичку. Жидкость занимается синим пламенем. Чудеса! Отец встаёт, берёт ковш и, вычерпнув несколько раз из конусообразной верхней части цилиндра тёплую воду, заменяет её холодной, стоящей на полу в ведре. Капли, стекающие в бутылку, превращаются в сплошную тонкую струю. С довольным видом достаёт из буфета чародей стопку.

Международный день солидарности трудящихся выдался солнечным и тёплым. Он позволил пойти на праздник без пальто, фуражки и сапог. Он позволил выглядеть празднично. В отглаженном костюмчике, белой рубашке вышел Ваня на крыльцо. Там чистил туфли сосед сверху Толя Поляков, старше Вани лет на семь. Юноша уже намазал туфли кремом и, ожидая, пока крем впитается, курил. На нём тоже была белая рубашка и брюки в стрелочку, только красного галстука на нём не было, ведь он вышел из пионерского возраста. Бросив окурочек, взял кусок войлока он. Черные «корочки» заблестели. Смотри, Ванёк! И Ванёк приблизил своё лицо к туфле. Оно там смутно отразилось. Обувь – это лицо джентльмена, сказал Толя. Ваня

перевёл взгляд на свой ботинок, но тот ничего не отражал. Скорей бы мне вырасти, взгрустнул пионер, стать таким же высоким и сильным, как Толя, красиво одеваться, гулять с девушками и нравиться им.

Грязь ещё не совсем просохла, но хоженные тропинки были чисты. Не запачкав ног, Ваня ступил на брусчатку улицы Ленина. Возле школы и внутри – движение, разговоры, смех, толкотня. Ученики разбирают первомайские аксессуары (кто транспарант или плакат, кто флажок, кто воздушный шарик, кто просто красный бант прикалывает на грудь) и выстраиваются перед зданием. Девочки в белых передниках несут бумажные цветы. Дети – это цветы жизни, припомнилось Ване изречение. А какие цветы? – подумал он. Конечно, живые... А вдруг да бумажные!? Вдруг ненастоящие!? Ведь поётся же в песне: из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки? Из, понимаешь ли, промокашек. Может, в самом деле я, как тот зайчик из папье-маше, вишу на ёлке, а кончится праздник, и меня уберут в коробку. Или, может, я стеклянный: упаду и разобьюсь. Но не надо о грустном, мне ещё рано о грустном: я ещё маленький. Взяв красный флажок, Ваня вышел из класса. Двери пионерской комнаты были распахнуты. Она являла собой небольшое узкое помещение, где посередине стоял длинный стол, стулья, а вдоль стен несколько шкафов. Шкафы были наполнены книгами, брошюрами, альбомами и рулонами ватмана. На столе царила всяческая канцелярия, как то: листы бумаги, ручки, кнопки, карандаши, кисти и краски. Тут же находились бронзовые статуэтки Павлика Морозова и маленького Ленина. Значительную часть стены карта области занимала. А на подоконнике единственного окна красовался глобус. «Не крутите пёстрый глобус, не найдёте вы на нём той страны, страны особой, о которой мы поём». А они и не крутят; в комнате собрались серьёзные ребята – активисты пионерии. Вожатая Людмила Алексеевна даёт им последние наставления. Уже во всеоружии стоят барабанщики и горнисты. На параде они пойдут отдельной группой, впереди всей школы. Горны будут трубить, барабаны стучать. Ну, что встал в двери? Проходи, сказала Ване Людмила Алексеевна. Иди, я тебе галстук поправлю. От её прикосновения по всему его телу прокатилась приятная волна. Хотелось взять её за руку, поправить ей что-нибудь тоже. Жаль, что у меня нет старшей сестры, подумал Ваня. С ней можно было бы устроить возню, невзначай прикоснуться к её груди. Вообще-то девушки, закончившие школу, казались Ване пожилыми, а вышедшие замуж и родившие ребенка – прямо-таки старухами. Но Людмила Алексеевна не была ещё замужем (кажется). После 10-го класса она осталась работать пионервожатой. И форма молодила её, делала почти ровесницей её подопечных, хотя девичьи формы, выпирающие, простите за каламбур, из формы, выказывали в ней странную, или скажем так, пикантную «пионерку». А знаете ли вы, господа, что деление женщин по национальному признаку неверно, поскольку все они персиянки? А персиянки они потому, что у всех их есть перси. Отчего это я не горнист, не барабанщик? – думал Ваня. Отчего я не вхожу в актив пионерской дружины? Тогда я мог бы оставаться после уроков и заниматься чем-нибудь общественно полезным вместе с этими ребятами под управлением этой красивой вожатой. Я бы помогал, например, выпускать стенгазету. Правда, я не умею рисовать. Но я мог бы сочинять лозунги и речёвки: Мы, ребята всей страны, делу партии верны! Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного. А возможно, иногда мы с Людмилой Алексеевной оставались бы в пионерской вдвоём. И, разумеется, делая что-нибудь, что-нибудь вырезая и клея, я бы просил её, как бы между прочим: Людмила Алексеевна, почитайте, пожалуйста, про Павлика Морозова. Что это с тобой, Иоанн? – вопрошала бы она удивлённо. Да так, не выдержав её взгляд, потупив очи и слегка покраснев, отвечал бы я, захотелось. Ну, хорошо – и она взяла бы тонкую книжицу. И на голос её откликнулись-отозвались не только бы мои уши, но и всё моё тело. А когда она дошла бы до места убиения мужественного пионера, и голос её задрожал, я тоже задрожал бы весь в ответ. Людмила Алексеевна, взволнованно сказал Ваня, примите меня в актив! Так, а что ты умеешь? Я умею петь. Зачем я это сказал, подумал он, ведь я совсем не пою. Но было уже поздно, и на её предложение что-нибудь исполнить он, как

бросился в пропасть, запел: Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше, только утро замаечит у ворот, ты увидишь, ты услышишь, как весёлый барабанщик в руки палочки кленовые берёт. И – о, чудо! – он не узнал своего голоса: тот звучал звонко и красиво, почти как у Робертино Лоретти. Молодец! Не ожидала, восхищённо произнесла Людмила Алексеевна. Что ж ты до сих пор скрывал свой талант? Нам нужны таланты.

4

Нет, любезные судари, таланты у нас в Сирии (я ещё шутливо называю её Сюрией, но в каждой шутке, как известно, есть доля, и подчеркнем, горькая доля) не нужны. Зачем далеко ходить, возьмём, к примеру, меня. Мне уже за пятьдесят, а я до сих пор не замечен и не обласкан. Горько мне от этого? Горько. Но и сладко. Потому что будь я замечен, я бы усомнился в своём даре, глядя, как на ниве популярности буйствует и процветает сорняк. С другой стороны, сирийцы (а мне сдаётся, и все люди) страдают дальновзоркостью, то есть не видят у себя под носом. Зато они прекрасно видят, что делается под носом у их правителя. А там, понимаешь ли, торчит изрядная шишка. Впрочем, это никого не возмущает и не отвращает, поскольку все понимают, что именно благодаря своей шишке сей господин и стал шахом. Про имеющего власть человека у нас говорят: он шишку держит. А на тему дальновзоркости бытуют поговорки, типа: большое видится на расстоянии; а слона-то я и не приметил. Так вот, когда слон (в данном случае в моём лице) окажется в безвозвратной дали, только тогда они его и приметят. И заохают: как же мы его проглядели, не публиковали, не водили по улицам, не помогли в трудную минуту! И выкопают в пароксизме благодарности из могилы, и повесят на тронутый плесенью пиджак орден, но денег всё равно не дадут. Не дадут под тем предлогом, что деньги там не в ходу, как будто они там были и всё про тот мир знают. Вот, допустим, Вы – христианин, и верите в загробную действительность. И как Вы себе представите ад без денег? Невозможно. Ад и деньги – это синонимы. А поскольку, я слышал, все художники в широком значении слова суть потенциальные клиенты преисподней, то мешочек золотых мне бы не помешал – с чертями в карты играть. Впрочем, нет, не надо денег: с ними мой прах потревожат ещё раз – буквально в первую же ночь, и на этот раз не затем, чтобы поблагодарить. Довольно меня при жизни обманывали; если ещё ограбят и в гробу, я этого не перенесу, умру вдругорядь. А умерший дважды, господа, ох, и страшен во гневе! Встанет из могилы, ничем его тогда не уймёшь.

Но всё это – мелочи. Я люблю свою родину и не променяю её ни на какую другую. Чего только в Сирии нет! Особенно много тут солнца и песка. Солнце в лице шаха не заходит даже ночью, и потому всё время ослепительно и жарко, и хочется пить. Ну, и спешишь к ближайшему колодцу. А там твой соплеменник стоит с личной охраной. Это, говорит, мой колодец, хочешь воды – плати. Конечно, платишь и радуешься, что всё у нас в стране теперь под контролем, не то что раньше, когда колодцы были ничьими и беспризорными. И ещё радуешься, что воздух пока не прибрали к рукам хозяйственные люди: на воздух моих денег точно не хватит, ведь дышу я значительно чаще, чем пью. Возьмёшь так стаканчик горькой (вода тут двух видов: сладкая и горькая, но сладкая данную жажду не утоляет) и сядешь на травку, себе подобных в кругу. Тень от пальмы, живительная влага и спокойная беседа совершенно тебя умиротворят, так что ты вытянешься, возляжешь, и весь твой вид будет выражать старую добрую мысль о том, что жить хорошо. И даже слегка загрязишь, прикрыв глаза, но подошедший верблюд лизнет твоё лицо шершавым языком, и ты вновь воспрянешь и продолжишь спокойную беседу про почём нынче баррель нефти. Тема на цвет тёмная, но центральная, поскольку страна наша живёт экспорта нефти за счёт. Выйдет ли кто-нибудь за город, осмотрится: весьма пустынно. Лишь вышки кругом торчат, близ которых по ночам собираются шакалы – и воют. Да и в самом городе... Захочет кто-нибудь помолиться, подойдёт к минарету, глядь, а то не минарет, а нефтьвышка! Зато легко стало различать богатых и бедных: первые спешат к вышке, вторые же

бредут в мечеть, первые пьют нефть, прочие же – водохлёбы. И невольно задумаешься, сидя под пальмой со стаканом воды: отчего это столь невелик выбор у человека – либо ты при деньгах, но чёрен изнутри (от нефти), либо чист, но беден. Но кто бы ты ни был, родина для всех одна и звучит одинаково; правда, с разными смыслами: для богатого она звучит: сир (в смысле шах) и я, а для прочего – сир (в смысле убог) и я.

Близость пустыни с её миражами не могла не сказаться на характере нашего государства и менталитете народа. Ничему и никому здесь нельзя верить. Возьмём, к примеру, шаха. На самом деле это не шах, а президент, поскольку лицо выборное. Но, во-первых, какой президент не хочет стать шахом? А во-вторых, спрашивается: кто его выбирал? Лично я – нет. Да и многие не выбирали. А те, кто соизволил, сделали это в большинстве своём втёмную, то есть совсем не зная кандидата, в лучшем случае, почитав его программу и биографию. Вот и выходит, что президентом может стать ставленник небольшой кучки (образно говоря, шишки) людей. А раз так, то это уже не всенародный избранник, а шах, по которому мат плачет... Да-да, милые мои, нужно долго всматриваться, чтобы понять, что перед тобой. Но и после этого ошибка не исключена. Ибо всё тут зыбко и неопределённо. «Стройные пальмы возникли вдруг, а приглядишься – лишь пески вокруг. Лишь череда раскалённых дней – до любви моей. И одно лишь знаю я, и в одно лишь верю я, и одно лишь помню я, что путь нелёгок наш. Может, ты – звезда моя, может, ты – судьба моя, может, ты – любовь моя, а может быть – мираж».

На окраине Москвы, за Рогожской заставой стоял почерневший от времени деревянный дом с мезонином. В нём уже несколько лет никто не жил. Хозяева переехали в более удобное и новое жильё, поближе к городскому центру. А эту развалюху никто не снимал. Но вот желающие нашлись.

В погожий сентябрьский денёк к дому подкатила пролётка, в которой сидела молодая пара. Высокий стройный брюнет помог своей спутнице сойти и выгрузил два чемодана и несколько узлов. Спутница была маленькой и хрупкой, с зачёсанными назад русыми волосами и чуть припухшими щеками. Глядя на дом, она улыбалась. Ну, как тебе наше гнездышко, дорогая? – полушутливо спросил он. С милым и в шалаше хорошо, ответила она с той же интонацией. Одеты они были как мещане: на нём – сапоги, косоворотка, сюртук, на ней – длинная юбка и салоп.

Проходящая мимо женщина остановилась и поздоровалась. Значит, вы новые соседи будете? – спросила. Да, супруги Сухоруковы, сказала прибывшая, просим любить и жаловать. Подошёл другой сосед, Николай Синицын, средних лет, коренастый и бородатый (впрочем, бороды тогда носили все мужчины, если не бороды, то усы и бакенбарды; поросль на лице была в моде). Занести вещи в дом помог Николай. Сейчас мы займёмся уборкой, сказала ему Соня (так звали молодую даму), а вечером пожалуйста к нам на чашку чая.

Супруги Сухоруковы, видимо, собирались здесь жить долго и счастливо, так как очень скоро (едва ли не на следующий день после своего вселения) затеяли ремонт. Прибыла подвода с досками и инструментом. Кроме пилы, топора и молотка, из телеги вынули две-три кирки, столько же ломов и лопат. Это почему-то заинтересовало сына Николая Синицына, Федьку, лет одиннадцати, находившегося на улице, и он поделился своим наблюдением с отцом. Ну, и что! – сказал отец. – Может, подполье копать собираются. Или ямы для столбов, чтобы беседку в саду соорудить. Да мало ли... А мешки зачем? – спросил Федя. Какие мешки? Они там ещё мешки привезли, большие и крепкие. Картошку будут сажать! – недовольно бросил отец. – Займись, Федька, делом и не задавай глупых вопросов. Но мальчика не устроило объяснение родителя. Своя версия сложилась у него в голове. Где-то в старом доме или неподалёку от него зарыт клад, думал он, вот зачем нужны кирки и лопаты. И с этой минуты стал он б о л ь ш е уделять внимания новым соседям.

Внешне, то есть снаружи дома, ремонт никак не проявлялся. Более того, дом теперь выглядел ещё заброшеннее, чем до въезда туда жильцов, потому что они заколотили досками окна. Зачем они это сделали? – недоумевал Николай. – Правда, в некоторых окнах не было стёкол, но они забили и застеклённые. Однако Николай принадлежал к той породе людей, которые не любят ребусов, и если ответ не находится сразу, то они попросту отворачиваются от задачи, говоря себе: Значит, так надо. Так он поступил и в этот раз. Сын же его ещё более уверился в своих подозрениях.

Интересно, что бы они, отец и сын, подумали, узнай, что странен не только ремонт у соседей, странны и отношения между молодожёнами (молодожёнами их сочла местная публика – видимо, по причине отсутствия детей)? Что бы с к а з а л и Синицыны, случись им незримо присутствовать в доме новосёлов в первую их там ночь? А в первую ночь супруги не легли вместе. Он постелил себе в мезонине. Но он всё-таки спустился к ней. Он сел на табурет, закурил и сказал: Сонечка, мне всё кажется, что мы недостаточно хорошо играем нашу роль. Какую роль? – отозвалась она. Роль супругов; мне кажется, что нам и ночью не должно показывать виду, что мы чужие, и нам следует спать в одной кровати. Но видя, что она собирается рассердиться, он сменил полушутливый тон на серьёзный и поспешно добавил: Ты мне очень нравишься, Соня. Взглянув на его смущённое лицо, она смягчилась. А как же наши клятвы, Лёва: никакой личной жизни, пока не выполним свой долг? Да я всё понимаю, только... Может быть, завтра – смерть, и страшно умирать без любви. Почему же страшно? Напротив, никаких привязанностей – и значит, терять нечего. Он внимательно посмотрел на неё: не шутит ли? Хорошо, сказала она, подойдём к этому делу с другой стороны, более для тебя понятной: я люблю другого. Из наших? Разумеется, не из чужих, я люблю Андрея. Ну, тогда конечно, весело произнёс он, Андрею я не соперник; я помню, как он остановил на ходу пролётку, схватив её за заднюю ось, и приподнял вместе с пассажиром. Лёва встал: Тогда этого разговора не было. Не было, кивнула она. Спокойной ночи, Соня. Спокойной ночи.

На следующее утро после того, как привезли инструмент и доски, в доме появились рабочие. Молодые люди – пять мужчин и одна женщина. Они пришли не гурьбой, а по одному, по двое. На мужчинах были картузы и сапоги, а на женщине – платок и бурнус. Когда все собрались, старший из пришедших, лет 30-ти с небольшим, спросил у Лёвы: Сколько до цели? Сто пятьдесят метров, ответил тот. Прилично, надо спешить... Значит так, приходим и уходим затемно, работаем весь день. Нас шестеро: двое долбят, двое оттаскивают, двое отдыхают; те, кто отдохнули, начинают долбить, а долбившие – оттаскивать – так сменяем друг друга каждые полчаса. Дамы, понятное дело, готовят обед и посматривают за улицей. На случай непрощенных гостей... Стёпа, ты принёс, что обещал? Разумеется, улыбнулся другой мастерской и достал из кармана полуштоф с густой чуть желтоватой жидкостью. Только для дорогих гостей, прочих прошу не прикасаться, шутливо сказал он, ставя сосуд на стол.

Шли дни. Осень заматерела. Погода окончательно испортилась. Ветер и дождь грубо срывали с деревьев листву. Красными и жёлтыми пятнами покрылась грязная дорога и дощатый тротуар. И без того малолюдная улица совсем опустела. Городская окраина, собственно, представляла собой село с его одноэтажными преимущественно деревянными домами, садами и огородами. Во дворах бродили куры, индюки, козы и свиньи. Бродили, когда было сухо и тепло; теперь же они сидели по своим закутам. Лишь грохот и свист паровозов (параллельно улице проходила Московско-Курская железная дорога) нарушал эту сельскую идиллию.

Мальчик Федя уже не раз пытался заглянуть внутрь «интересного» дома, но сквозь тонкие щели забитых окон трудно было что-либо разглядеть. Однако он заметил, что мужчины что-то выносят в мешках во двор. Тогда он перелез через забор соседского сада. Сад был невелик и, понятно, запущен. Десяток облетевших яблонь и вишен, кусты сирени и смородины да клумбы и дорожки, заросшие пожелтевшей травой, составляли всё его имущество. С тыльной стороны дома Федя увидел кучу свежей земли. Копают, подумал он, в д о м е копают.

Однажды, когда он в очередной раз исследовал окно, пытаясь найти щель пошире, кто-то схватил его за воротник. Мальчик в испуге обернулся. Перед ним стоял молодой человек в одежде, перепачканной землёй. Несмотря на потное, грязное лицо, человек не походил на простого рабочего, он был слишком красив для мастерового. Большие карие, слегка раскосые глаза, смоляные волосы и борода, аккуратно подстриженная, и кожа оливкового цвета говорили о том, что в нём течёт изрядная порция восточной крови. Нехорошо подглядывать, мальчик, сказал он, улыбаясь. Но от этой улыбки поджилки затряслись у Феде. Я ничего, забормотал он, не помня себя, у нас кошка потерялась; я подумал, может, она сюда забежала. Кошка, говоришь; ну, и что? ты увидел здесь свою кошку? Нет. А что ты увидел? Ничего... Стол, самовар, керосиновую лампу... А мужиков, таскающих мешки, ты заметил? Федя не осмелился солгать и кивнул. Как думаешь, что в мешках? Земля, сказал мальчик. Верно, земля и воля, усмехнулся красавец, остаётся уточнить цель наших раскопок, то есть, что мы там пытаемся вырыть? Подпол, чтобы картошку хранить. Нет, не угадал; мы там ищем клад и, если найдём, отсыпем тебе горсть золотых; если, конечно, будешь держать язык за зубами. Договорились? Договорились, вымолвил Федя. Ну, ступай – и странный рабочий отпустил его.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЁВЫ. Вот уже месяц, как мы роём ход, но едва ли проделали полпути. Это настоящая каторга! Сверху и с боков сыплется, хотя мы укрепляем галерею досками; снизу выступает подпочвенная вода. Душно, тяжело. На случай, если произойдёт обвал, мы берём с собою яд. Но «Робеспьер» прав: наш брат должен уметь делать любую работу. Притом нас согревает надежда, что наш скорбный труд увенчается успехом. Соня говорит, что этот ход может привести Россию к свободе. Дай то бог. Хотя я не думаю, что шум и гром, который мы затеваем, разбудит крестьянина – этого спящего медведя, сосущего с голодухи лапу, но не имеющего сил и воли проснуться. В нашем деле без веры нельзя, говорит Соня. Я не возражаю, однако полагаю, что можно. Что же, если не вера, объединяет меня с моими товарищами и заставляет рыть землю? Ненависть! Я ненавижу всех этих генерал-губернаторов, вельмож, высокопоставленных воров и нуворишей. Они не лучше, не умнее меня, а в нравственном отношении гораздо хуже. Почему же они блаженствуют, в то время как я и подобные мне вынуждены терпеть?! Нет, я не завидую их богатству. Но они не должны забываться. Они возомнили себя хозяевами жизни, перед которыми суд и правда – всё молчи. Они хотят держать народ в покорности и страхе, а сами жить спокойно. Это несправедливо. Надо поделиться с ними нашими страхами, и подобно тому, как рельсы гнутся и дрожат под давлением проносящихся эшелонов, надо, чтоб и сами эти эшелоны дрожали от ужаса, от постоянного ожидания свалиться под откос.

Несмотря на усталость, обеды наши проходят довольно весело. Мы подшучиваем друг над другом. Стёпа говорит, что мы все превратились в кротов, но самый главный крот – «Разночинец». Дело в том, что Коля по прозвищу «Разночинец» носит очки, а поскольку очки под землёй бесполезны: быстро запотевают да и разбить их недолго, – он их снимает и работает почти вслепую. В слепоте, да не в обиде, отшучивается он. Иногда он берёт гитару, и мы поём романсы. Отвори потихоньку калитку и войди в дивный сад, словно тень, не забудь потеплее накидку, кружева на головку надень, поём мы. И наши дамы кажутся нам такими хрупкими, что хочется о них заботиться. Но это лишь кажется. На самом деле они, особенно Соня, крепче духом многих из нас. Вот она смеётся чьей-нибудь шутке, а между тем в кармане у неё лежит револьвер, и если пожалуют те, кого мы не звали, она выстрелит в бутылку с желтоватой жидкостью, и тогда весь этот дом... Да и радуется она прежде всего тому, что двигается наше дело, и смехом своим хочет нас ободрить. Дьявол в юбке, а не женщина. Я не слишком огорчился, когда она сказала, что любит Андрея. Нет, мне нужны пассии попроще. И такую я тут встретил на днях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.